

Книги Анджея Ясинского
в серии
**ФАНТАСТИЧЕСКИЙ
БОЕВИК**

НИК

НИК. ЮЗЕР

НИК. СТИХИЙНИК

НИК. АДМИН

НИК. БЕГЛЕЦ

НИК. ЧАРОДЕЙ

(в двух томах)

НИК. АСТРАЛЬЩИК

(в двух томах)

В соавторстве с Дмитрием Коркиным
ТОЛЛЕУС, ИСКУСНИК ИЗ КОРДОСА
ТОЛЛЕУС. ИЗГОЙ

ФАНТАСТИЧЕСКИЙ
БОЕВИК

АНДЖЕЙ ЯСИНСКИЙ,
ДМИТРИЙ КОРКИН

ТОЛЛЕУС. ИЗГОЙ

Роман

Москва. 2017
Э АРМАДА
&
«Издательство АЛЬФА-КНИГА»

УДК 82-312.9(02)
ББК 84(2Рос=Рус)6-445я5
Я81

Серия основана в 1992 году
Выпуск 1057

Художник
И. Воронин

Ясинский А., Коркин Д. А.

Я81 Толлеус. Изгой: Фантастический роман. — М.: «Издательство АЛЬФА-КНИГА», 2017. — 282 с.: ил. — (Фантастический боевик).

ISBN 978-5-9922-2438-2

Отгремел Турнир големов — самое ожидаемое и любимое мероприятие в Оробосе. Кордосский искусник Толлеус после блестящего выступления заключен под стражу своими соотечественниками и отправлен на родину, где его предадут суду за давнишние прегрешения... Оставшийся без хозяина рыжий Оболиус собирается ехать домой, возвращаясь к скучной и бесперспективной жизни...

Удача в лице великого инфомага Ника поможет обоим, снова сведет вместе учителя и ученика! Желанная свобода... Но никто нигде их не ждет, а в кошеле гуляет ветер. Им предстоит исколесить весь Оробос в поисках своего места в этом мире.

УДК 82-312.9(02)
ББК 84(2Рос=Рус)6-445я5

© Анжей Ясинский, Коркин Д. А., 2017
© Художественное оформление,
«Издательство АЛЬФА-КНИГА», 2017

ISBN 978-5-9922-2438-2

От всей души хотим выразить признательность читателям Самиздата, которые помогали находить и исправлять ошибки в тексте.

Спасибо вам, друзья!

Андрей Ясинский, Дмитрий Коркин

Часть первая БАЛОВЕНЬ СУДЬБЫ

Глава 1 ТОЛЛЕУС. В КЛЕТКЕ

Широтон

Толлеус проснулся внезапно, словно от толчка. По внутренним ощущениям ночь еще только собиралась уступать права нарождающему утру. Проверить предположение не представлялось возможным: свет лился от искусного светляка, а единственное крохотное окошко было таким темным, что навевало мысли о намеренном затемнении. Будь на дворе обычная ночь — были бы звезды, да и свет Мунары позволил бы увидеть хоть что-нибудь. Осоловело обводя взглядом скудное убранство незнакомой комнатухи, Толлеус силился понять, где он есть. Непонятное место — тишина, как в могиле. Причем тишина абсолютная, нет привычных звуков, присущих любому жилому дому: не жужжали мухи, не шуршали и не попискивали мыши в подполе, не поскрипывали старые половицы. Более того, сейчас молчали даже призрачные голоса, ранее и днем и ночью бормотавшие в голове у искусника. За долгие годы своей жизни старик так и не выяснил, откуда они берутся, хотя в молодости неоднократно предпринимал попытки с этим разобраться. Все же кое-что опытным путем удалось узнать. Например, что это не наваждение и не бред больного воображения, что призрачный шум имеет эмоциональную окраску, что он громче в городах и тише в сельской местности и что его можно совсем заблокировать с помощью плетений. Сейчас, по-

хоже, как раз такой случай. Странно — «глухие» здания встречались старику крайне редко, поскольку плетение, отсекающее гомон призраков, манозатратное.

Что произошло и где он? Память стала медленно возвращаться, когда сон отступил. «Я в Широтоне, чародейской столице. В самом сердце враждебной страны, — вяло потекли мысли в голове. Страх не возникло, Толлеус уже немного привык не шарахаться от каждого встречного, как было поначалу. — Я участвовал в Турнире големов, да. Причем отлично выступил на своем шестиногом големе Пауке, несмотря на все сомнения кордосского посла».

— Так ведь как раз Маркус здесь тебя и запер, а перед этим до глубокой ночи допрашивал, забыл? — с ехидцей спросило проснувшееся альтер эго.

Этот «второй Толлеус» большую часть времени тихонько дремал где-то на задворках сознания, но всегда просыпался в период волнения и не упускал возможности поддеть старика. Впрочем, споры с ним приносили явную пользу: несмотря на общие знания этой «парочки», их мысли и характер отличались, так что получался самый настоящий живой диалог. Единственным досадным эффектом таких размышлений было то, что искусник зачастую проговаривал их вслух.

— Меня арестовали, потому что узнали, что я прикарманивал немного маны, когда работал настройщиком манонасосов в маркинской тюрьме, — согласился Толлеус со своим невидимым собеседником, восстанавливая в памяти цепочку событий. — А еще они думают, что я помогал оробосцам с освобождением пленников...

— Поэтому теперь отвезут в Терсус и промуют мозги, проверяя свои предположения, — закончило альтер эго и хихикнуло.

Действительно, событие экстраординарное, побегов из чародейских тюрем не случалось со времен войны между империями Кордос и Оробос. Причем происшествие по своим масштабам и дерзости не лезло ни в какие ворота: массовые разрушения в городе, огромная утечка маны, горы трупов... По слухам, некоторые фрагменты ратуши до сих пор сами собой парят в воздухе, презрев все законы природы, хотя прошло больше месяца. В общем, достаточно собы-

тий, чтобы поставить на уши не только маленький городок Маркин, но и всю империю. И вопросов хватает, примчавшаяся разбираться столичная комиссия до сих пор не может выстроить четкую картину, хоть трясет немногочисленных свидетелей и подозреваемых с особым тщанием, не гнушаясь никакими средствами. Толлеус же подпадал под определение и свидетелей и подозреваемых. Ему уж точно не стоит рассчитывать покинуть «гостеприимные» стены имперских дознавателей даже в недобром здравии, окажись он в их руках. Но вот это случилось, хотя сперва казалось, что все обойдется: воспользовавшись неразберихой первых дней, удалось покинуть родину, беспрепятственно пересечь границу Оробоса и даже очень удачно устроиться на новую работу при посольстве. Теперь все, в один миг удача кончилась.

Перспективы вырисовывались мрачные, продолжать дискуссию на эту тему не хотелось даже с самим собой. Да и самочувствие паршивое — мало того что Толлеус стар и болен, из-за чего постоянно приходится таскать на себе тяжеленный жилет, напичканный целебными амулетами и потребляющий ману с умопомрачительной скоростью, так вдобавок наложилось нервное напряжение от выступления и допроса. За несколько часов тяжелого сна Толлеус совсем не отдохнул. Кажется даже, еще больше устал. Конечно, такого не может быть, скорее всего, закончилось действие плетения, которым его обработали, и теперь он ощущает свое немощное тело как есть, без подавления определенных участков сознания. В пользу этой версии также говорило то, что буквально несколько часов назад в ходе допроса бывший настройщик манонасосов примирился с незавидной участью, которая ждала его на родине, и был абсолютно спокоен. Но теперь с ним произошла удивительная метаморфоза — он враз перестал чувствовать себя должником империи. Нет, разумеется, он ее сын и против нее никогда не пойдет. Просто вдруг очень расхотелось бесславно умирать. Напротив, вернулось горячее желание еще пожить, причем чем дольше, тем лучше. В идеале вечно, как тот искусник из видений, который хоть и умер, сожранный странными тварями, но потом воскрес. Вот бы Толлеусу так: казнили, а тело хлоп —

и возродилось где-то в другом месте, и никто про это даже не знает...

Увы, это несбыточные мечты. Такое возможно, да, старик больше не сомневался ни в одном из своих видений, которые посетили его во время памятных событий на развалинах комендатуры. Только уровень Искусства для этого требуется совсем не как у него, возможно даже, и уровня академика не хватит. Раньше Толлеус считал, что звание академика — это венец мастерства. Да, древние были могущественны, но все, что от них осталось, — редкие артефакты из раскопок на месте старых городов и проклятые территории там, где бушевали эпические битвы. Однако с недавних пор он стал подозревать, что те знания и умения, которые считали утраченными многие века, сохранились.

Толлеус прекрасно понимал, что не сможет сбежать из-под ареста. Даже если не брать в расчет, что он всего лишь магистр, причем совсем дряхлый, шансов никаких. Во-первых, ни посоха, ни маны. Во-вторых — бежать-то некуда! И все же он гнал от себя эти мысли. Не потому, что на что-то надеялся, а просто чтобы не киснуть в тоске и безысходности. Дабы хоть чем-то отвлечься, он начал пытаться сотворить какое-нибудь простенькое плетение аурой, точь-в-точь как учил Оболиуса.

Где-то теперь этот несносный оробосский мальчишка, рыжий, как огонь, и толстый, как поросенок? Судьба свела его с Толлеусом в Олитоне через пару дней после того, как бывший настройщик манонасосов пересек границу. С тех пор внук олитонской трактирщицы прислуживал кордосцу, а тот дал парнишке несколько уроков Искусства, поскольку у него обнаружился настоящий дар.

Сколько старик ни пыжился, ничего не выходило. Теорию он знал отлично, прекрасно понимал все особенности. Но сказывался столетний опыт работы с посохом: аура кордосца сама собой начинала искать искусный инструмент, игнорируя все остальные команды. В итоге Толлеус махнул рукой. Для него это пустая трата времени, баловство. Слишком сложно все делать самому, когда привык к комфорту. Это как если всю жизнь летать, подобно птице, а потом лечь и, словно змея, ползти на брюхе. Ему нужен посох или, на

худой конец... Амулет! Провидение ли постаралось или счастливая случайность, но посольские искусники не тронули целительский жилет, а стало быть, и его управляющий амулет, архейскую реликвию. Видимо, побоялись вмешиваться в его настройки. И то верно: жизнь старика напрямую зависит от работы этого лечебного амулета, встроенного в железный каркас. Пожалуй, даже сам Толлеус сразу не вспомнил бы, как там что заверчено, — конструкция за долгие годы многократно изменялась и усложнялась. В общем-то тюремщики правильно сделали, опасаться бывшего настройщика манонасосов не стоит. Манокристалл они забрали, так что искусник своим амулетом ничего не выиграл, и все же теперь возможностей у него чуть-чуть больше.

Перед Турниром Толлеус многое скопировал из своего посоха в этот архейский артефакт — были причины. Увы, не все влезло, посох умеет сжимать заготовки плетений, а амулет нет, поэтому емкости у них сильно отличаются. Но все же что-то — это лучше, чем совсем ничего. Надо только проинспектировать, что же осталось. Только чуть-чуть попозже, сперва хочется узнать другое — сохранилась ли возможность составлять новые плетения.

Активировать заготовку с помощью наследства древних легко. Даже новичок, который, кроме ученического посоха, ничего в руках не держал, с этим справится. Собрать новое плетение из фрагментов теоретически тоже возможно, только гораздо сложнее. Не потому, что артефакт для этого не предназначен, а просто непривычно. Вроде бы тот же инструмент, только с другой рукоятью, рукам неудобно. Что ж, нужно попробовать, может статься, что получится так же, как во время недавнего опыта с голой аурой, — скорее лопнешь от натуги, чем переучишься.

Толлеус принялся за эксперименты, пытаясь собрать плетение с помощью архейской реликвии. Дело шло со скрипом, но шло! Через пятнадцать минут пыхания и сопения на стене красовалась надпись, сделанная светящимися буквами: «Толлеус из Маркина томился здесь». Искусник посмотрел, скривился и стер писанину. Ни к чему выдавать тюремщикам свои возможности, да и слишком уж печально звучит.

Настал черед ревизии имеющихся плетений. Конечно же ничего под названием «освобождение из темницы» там не было. Просто следовало проверить, что осталось в хозяйстве, а что пропало.

Когда с этим было покончено, Толлеус принялся бродить по камере, в буквальном смысле слова водя носом по стенам. Он заинтересовался защитой. Не то чтобы надеясь ее сломать, а просто из профессионального любопытства. Его исследования неожиданно принесли пользу: поднатужившись, искусник сформировал плетение манонасоса и подключил его к найденной брешу — незащищенному каналу одного из плетений охранного контура. Теперь мана из далекого кристалла тоненькой струйкой потекла к нему в ауру. Это, конечно, никоим образом не подрывает обороноспособности камеры. Просто местный настройщик вынужден будет поменять кристалл раньше обычного. А у Толлеуса чуть-чуть прибавится сил. Да и то сказать «прибавится»: с рассветом его повезут в Кордос, тут не надо быть пророком, чтобы сообразить — задерживать исполнение приказа Маркус не станет. Стало быть, много выкачать Толлеус не успеет.

Повезут его в карете. Наверное, даже окошки не закроют — смысла нет. Защиту там установят, но совсем не такую мощную, как здесь. Однако там будут охранники. Они хоть и тоже магистры, причем более низких ступеней, но все как один боевого направления. У них в жезлах такие плетения, какими старику владеть не приходилось. Так что выступать против конвоиров нечего и думать. Весь расчет на счастливый случай, который может подвернуться в дороге. Это если искуснику повезет и его чем-нибудь не усыпят. Иначе пленника можно будет даже не сторожить и везти в простой открытой телеге — куда он из нее денется?

Эта мысль заставила Толлеуса вздрогнуть. Очень не хотелось последние дни жизни провести овощем без хоть и призрачной, но надежды. Неожиданно на смену этой мысли пришла другая. В последнее время он из-за подготовки к Турниру совсем забросил себя: в бане сто лет не был, одежда не стирается, а впереди еще неделя путешествия! Хорош он будет, когда предстанет перед судом в таком виде! Неприлично это — в конце концов, он искусник, а не деревенщина, что в свинар-

нике навоз сгребают! Это для пользы дела можно потерпеть пару дней без купальни, почешешься лишний раз, и только. Но когда на должность назначают или, как сейчас, приговор оглашают, нужно быть при полном параде.

Искусник поднялся и требовательно забарабанил в дверь: пускай несут пару ведер воды, на это он имеет право!

Глава 2 ОБОЛИУС. НА ВОЛЬНЫХ ХЛЕБАХ

Днем ранее

Оставшись без хозяина, которого забрали посольские искусники, рыжий подросток не впал в уныние. Жаль, конечно, что так вышло, но тут уж ничего не поделаешь. И без того приключение получилось замечательным: впечатлений хватит на всю жизнь, будет что рассказать внукам. И даже показать. Оболиус вчера быстро сориентировался и умудрился вывезти из мастерской кое-какие вещи Толлеуса и свое величайшее творение — маленького деревянного голема. Теперь осталось лишь вернуться к бабке в родной Олитон. Благо деньги есть и с хозяином попутного каравана он уже договорился. До отправления еще целый день, и мальчишка знал, как его провести. В кармане лежал подарок учителя — пропуск-билет на Турнир. По такому можно ходить смотреть выступления чародеев и их творений хоть каждый день — дорогая вещь! Сегодня Оболиус в последний раз посмотрит на големов и продаст билет, а завтра тронется в обратный путь.

На самом деле Толлеус очень удивился бы, если бы узнал все мысли своего помощника. Судьба свела их почти месяц назад, и надо сказать, этот месяц выдался очень насыщенным. Олитонец был настоящим сыном своего отечества, воспитанным в ненависти к кордосцам. Некоторые трудности, с которыми столкнулся старик в пути, были на совести рыжего мальчишки. Однако постепенно в сознании Оболиуса зрело убеждение, что все совсем не так просто, как он привык думать. Мальчишка уже успел оценить пользу, кото-

рую приносит Искусство своему обладателю. К тому же учиться было очень интересно. В самом начале пути внук трактирщицы без тени сомнения убил бы своего господина, если бы был уверен в своей безнаказанности, а теперь он даже немного расстраивался, что их совместное путешествие закончилось. Ну да тут ничего не поделаешь, так сложилось.

С утра пораньше парень уже был на трибунах. В этот раз он без проблем преодолел все кордоны, хотя где-то внутри жил страх, что стража опять прицепится к нему. Всего несколько дней назад вороватые охранники попытались пожить за его счет, хотя по идее должны были блюсти закон на вверенной территории. Помогло выкрутиться лишь ненавистное Искусство, к которому у мальчишки оказался настоящий талант и азы которого он освоил, путешествуя с кордосцем.

Люди все прибывали, солнце осветило арену, и Турнир начался. Все заботы тотчас же забылись, когда под рев зрителей сошлись в схватке два каменных исполина. Оба имели человекообразную форму, сходный размер и были без оружия — таково одно из требований. В единоборствах есть много номинаций, но на них Оболиус уже не попадал. Легкое чувство сожаления по этому поводу проскальзывало, но даже кулачный бой стоил того, чтобы его посмотреть. Големы крошили друг друга в пыль, пытаясь уклониться от взаимных атак. Причем настоящие мастера действовали не только руками своих подопечных, но умудрялись даже пинать врага ногами и толкать корпусом.

После каждой схватки истуканы получали серьезные увечья, залечить которые разрешалось лишь между турами. Но главной целью было сбить с тела противника голову — небольшой камень, в общем-то совершенно не нужный голему.

Поскольку деньги у Оболиуса водились, он каждый раз ставил монетку на своего фаворита. Впрочем, несмотря на азарт, ставки он делал небольшие, чтобы не потерять все сбережения. Мальчишка прекрасно понимал, что слишком плохо разбирается в участниках, чтобы заранее предвидеть исход матча и определить победителя. Здесь помочь могли лишь опыт и удача, поскольку на Турнире присутствовали специально нанятые чародеи, которые старательно маскировали будущее от своих коллег, способных его читать.

В результате за целый день Оболиус практически ничего не выиграл и не проиграл. Несколько мелких монет, что остались у организаторов Турнира, можно не принимать в расчет. Небольшая плата за удовольствие в дополнение к билету, не более того.

Солнце в один миг совершило свое ежедневное путешествие по небосводу, бои на сегодня закончились, и зрители потянулись на выход. Предвидя этот момент, ученик искусника поспешил выскочить первым, чтобы предложить выкупить свой билет как можно большему числу людей. К сожалению, по этому документу нельзя было попасть на ярус для аристократов. По глубокому убеждению Оболиуса, только у этой братии есть свободное время, чтобы ходить сюда каждый день. Пришлось встать возле своего входа, через который сплошным потоком шли купцы и мастера гильдий, и лишь печально поглядывать в сторону ворот для благородных.

— Билет, билет, продается билет, кому билет... — бубнил мальчишка, но на него почти не обращали внимания, никто не пытался даже прицениться.

Ручейки людей стали иссякать, и Оболиус заволновался, что так и не найдет покупателя, поэтому он стал предлагать свой товар громче, обещая отдать за малую цену. Увы, даже это не помогло. Вот уже через ворота стали выходить отдельные припозднившиеся зрители, а клиента все не было.

Внезапно плечо «торговца» сдавила чья-то сильная рука. Обернувшись, он увидел двух стражников из городского патруля и с внезапно нахлынувшей горечью понял, что удача ему изменила.

Глава 3

СТРАЖНИК АНИКО. СЛУЖБА

Патрулировать в Серебряном кольце с одной стороны хорошо, а с другой — плохо. Если кто любит спокойно погулять по красивым аллеям, вдыхая нежные цветочные ароматы, то сам попросится в Серебряный город. Потому что там как раз так и есть — все чистенько, красивенько, пьяные не

валяются, лиходеи в подворотнях не прячутся, никто не бранится на всю улицу. Пожалуй, даже на собственном дворе нет такого порядка, а здесь даже специальные люди следят, чтобы конские яблоки на дороге не лежали. Нигде в целом свете нет такого. Ну, разве что в садах благородных слуги поддерживают такую же чистоту и красоту.

Если же хочется заработать лишнюю монетку, то, конечно, в Серебряном кольце стражнику плохо. Даже если вдруг каким-то чудом какой-нибудь аристократ окажется нетрезвый на улице, обхлопать его не моги, себе дорожке выйдет. И торговцы за особый пригляд не заплатят — нет их здесь, все в Бронзовом кольце. И вездесущих карманников тоже нет. А коли так, то и монетки нет за то, чтобы стражники не гоняли.

Но и это еще не все. Серебряное кольцо — немаленькое. Бывает обычное патрулирование улиц, а могут и на солнцепек поставить на стационарный пост. Нынче в столице Оробоса большое событие — Турнир големов. Требуется обеспечить безопасность внутри кольца и на прилегающей территории. Тем, кто попал внутрь, повезло — бесплатно посмотрят выступления, а тем, кто несет службу снаружи периметра, остается лишь слушать восторженный рев толпы из-за высоких стен, потяя под лучами жаркого солнца.

Примерно так рассуждал Анико, в который раз уже обходя вместе с Лумми вокруг циклопического сооружения, похожего на огромную цирковую арену без купола. Хорошо хоть ноги можно немного размять, но все равно не повезло. И ничего не поделаешь — служба!

День плавно клонился к своему завершению. Оба стражника изрядно вспотели под парадными кирасами и проголодались. Благо до конца смены оставалось всего ничего.

— Смотри! — кивком показал напарник Анико на какого-то мальчугана.

Стражник, вынырнув из омута своих мыслей, прислушался. «Купите билет», — монотонно твердил тот, встав возле выхода с арены.

Патрульные, не сговариваясь, направились к мальчишке, стараясь зайти со спины, отсекая пути к бегству. Вообще ситуация не совсем типичная. Бывает, орудуют щипачи. Еще

чаще встречаются шарлатаны, которые притворяются видящими и обещают назвать имя победителя Турнира до начала состязаний. Торговать билетами — что-то новенькое. Конечно, штука достаточно дорогая, чтобы соблазнить какого-нибудь умельца нарисовать такую же. Вот только по подделке чародеи легко найдут того, кто ее изготовил, и все об этом знают. Так что таким никто не занимается. А вот продать краденое может получиться, хотя глупо делать это здесь. Пацан, похоже, новичок.

Лумми ловко сцапал за ворот мальчишку, который даже не озирался, полностью оправдывая определение зеленого дурачка. Конечно, внятно объяснить, откуда у него билет (причем не обычный, для разового посещения, а дающий доступ ко всем состязаниям), он не смог. Тут уже стражники не стали церемониться. Лумми схватил жулика за запястье, а Анико выдернул из пухлых пальцев вещественное доказательство преступления.

Неожиданно что-то случилось. Невидимая петля сжала горло Анико так, что не получалось вздохнуть. Выронив билет, он схватился за шею, силясь нащупать удавку, но ее не было. Кажется, воришка что-то говорил, угрожая, но стражник его почти не слышал — в голове шумело. Отчаянно жестикулируя, он попытался позвать на помощь, но буквально через полминуты рухнул на колени, уже не интересуясь окружающим.

Удушье прошло та кже внезапно, как и появилось. В первые мгновения Анико лишь дышал, с упоением втягивая в себя воздух. Потом исчезли круги перед глазами, и появилась возможность видеть. Стражник сел, рука сама собой потянулась к ножнам.

— А вот этого не надо, любезный! — остановил его чей-то вкрадчивый голос.

Пальцы, уже обхватившие рукоять, замерли. Анико осторожно огляделся.

Лумми был рядом — лежал на земле, зыряка по сторонам налитыми кровью глазами, но не шевелился. Высокий молодой мужчина, явно из благородных, с усмешкой смотрел на стражей порядка. За аристократом стояла эффектная чер-

новолосая женщина ему под стать, а рыжий воришка жался к его ногам.

Стражник набрал в грудь воздуха, подбирая подходящую случаю фразу, и не нашел ее. Слишком уж абсурдная и непонятая ситуация — явно чародейское нападение на патруль внутри Серебряного кольца. И кем совершено? Этим вот аристократом? Или же, наоборот, он помог? Похоже, за то недолгое время, пока стражник боролся за глоток воздуха, успело многое произойти. Сперва необходимо разобраться. В деле с такими вот богатыми и благородными ошибки в словах и поведении недопустимы — отомстят. Что-то не хочется всю оставшуюся жизнь нести службу где-нибудь в захолустном гарнизоне. Аристократ не дал возможности собраться с мыслями.

— Произошло недоразумение, — заявил он. — Билет у мальчугана не ворованный. Вы можете спокойно продолжать службу, вот вам на прачку — ваша форма, кажется, испачкалась. — С этими словами мужчина протянул стражникам две золотые монеты.

Лумми все так же молчал и не двигался. Но таращился на сияющие красным в лучах вечернего солнца кругляши с явным изумлением. Огромная сумма, не соответствующая нанесенному урону. Анико стало абсолютно ясно: что-то здесь не так. Будь монеты серебряными, тогда еще ладно, но золото? Впрочем, его рука сама собой потянулась вперед и сгрестила деньги, не спросив хозяина. Вокруг собралась толпа зевак, окруживших стражников и виновников происшествия плотным кольцом.

— Представьтесь, пожалуйста, и позвольте проверить вашу метку, — лишь сумел выдать Анико, сбившись с уставной фразы.

Аристократ усмехнулся, и Анико тут же пожалел, что полез с расспросами. Когда берешь деньги, не стоит проявлять служебное рвение. Осознав это, он покраснел.

— Без проблем. Мое имя Никос.

Почти не слушая, скомканно извинившись, стражник подался назад, по пути пихнув локтем Лумми, чтобы тоже пошевеливался. Речи о том, чтобы проверить мальчишку, даже не зашло.

Глава 4

ОБОЛИУС. В СКАЗКЕ

Оболиус сел на краешек обитой кожей мягкой скамейки и воровато схватил крендель из вазы, постаравшись как можно быстрее затолкать его за пазуху. В этой огромной, богато украшенной зале — гостиничном номере, куда его поселили, — он был один, лишь с картин, в большом количестве висящих на стенах, с укоризной смотрели какие-то благородные. Стол ломился от незнакомых, очень аппетитно пахнущих яств, причем накрыли его специально для парня, но привычка брала свое. Слишком уж отличался гостиничный номер Серебряного кольца от тех, что Оболиус видел в своей жизни. Парень не боялся, что придется платить за все это великолепие, он проверил — уже за все заплачено. Но ведь даже если налопаться сейчас до отвала, то все равно много не съест. А крендель слишком хорош, чтобы оставлять его здесь. Пожалуй, даже стоит припрятать побольше. Нужно ловить момент, пока есть возможность!

Вообще картина складывалась нереальная. Когда один стражник схватил Оболиуса за руку, а другой выдернул из пальцев билет, в его душе поднялась настоящая ярость. «Бесполезные наглые мерзавцы!» — билось в сознании. Ничего, он теперь умеет постоять за себя и знает, что надо делать. Сейчас он им покажет!

Тот, который отобрал билет, тяжело свалился на землю и захрипел. Можно сжать нити сильнее и придушить его насовсем или даже отрезать голову. Не ко времени мелькнула мысль, что на такое может не хватить сил и надо потренироваться на глиняном горшке — раздавит его нить или нет.

Дальше все пошло не так — со вторым стражником не получилось. Во-первых, держать сразу несколько нитей тяжело. В спокойной обстановке получалось, но сейчас, когда второй стражник больно выкручивал руку, настрой все время сбивался. Во-вторых, тот стоял сзади, так что его шею не было видно, а действовать вслепую... В общем, ничего не выходило. Оболиус снова оказался в ситуации, когда он слаб и беззащитен, и это до безумия испугало его.

На грани паники, он попробовал обмануть стражника, что держал его, пригрозив наслать проклятие, но даже сам услышал, насколько жалко звучит его голос, дрожащий от боли и слез. Напротив, дядька рассвирепел еще сильнее и дернул мальчишку так, что в руке что-то хрустнуло, и острая боль волной затопила тело.

Внезапно какая-то сила вырвала невидимую удавку из пальцев Оболиуса — ту самую, что душила первого стражника. И в тот же миг сам Рыжик, как его любили дразнить в родном городе, освободился от захвата второго, оказавшись вне его досягаемости. Что произошло, он не понял, но истинным зрением заметил чужие искусные нити, опутывающие стражников, точно паутина. Надо сказать, точно такие же висели и на нем самом.

«Учитель?» — мелькнула мысль, приправленная завистью к такому результату, но, оглядевшись, Толлеуса мальчишка не увидел. Зато рядом стоял высокий богатый дядька, а его спутница — очень красивая, надо сказать, что-то шептала ему на ухо.

Кордосцы?.. Нет, на искусников не похожи. Жезлов не видно ни у мужчины, ни у женщины.

Богатые и знатные, те, кого принято называть господином и госпожой, пугали сильнее стражников, и уж чего-чего, а хорошего от них точно не стоило ожидать. Таким лучше на глаза не попадаться, потому что если заметят, то скривятся так, будто увидели что-то вроде ожившей коровьей лепешки. Неприятно, аж до костей пробирает. А их слуги ни за что поколотить могут, и ничего им за это не будет.

Можно, конечно, воспользовавшись моментом, рвануть удерживающие нити, тихонько юркнуть за спины появившихся зевак и бежать подальше от этого места. Вот только до слез жалко оставлять злополучный билет, который сиротливо лежал на земле почти в центре образованного зрителями круга, в опасной близости от стражников. Оболиус замер в нерешительности, жадность боролась в нем со здравым смыслом. В итоге сбежать не успел. То мгновение, что он потратил на раздумья, безвозвратно ушло. Аристократ повернулся к мальчишке, улыбнулся и заговорил. Причем по-доброму, как с равным.

Дальнейшее Оболиус почему-то запомнил смутно, поскольку происходящее не шло ни в какие рамки. Дядька, представившийся Никосом, расспрашивал: кто, откуда, как здесь оказался и где взял билет. Мальчишка отвечал напряженно, но правдиво, при этом сиюсь понять, что происходит. А потом аристократ дал стражникам денег, а Оболиуса пригласил в свой экипаж, пообещав вылечить руку, которая отказывалась слушаться и жутко болела.

В итоге подросток обнаружил себя уже в дорогой карете в компании Никоса и его спутницы, представившейся Кариной. Про лошадь Оболиуса тоже не забыли — она послушно трусила следом, привязанная за поводья. И руку Никос вылечил, как и обещал. Раз — и все в порядке. Неудивительно, что отделаться от чувства нереальности происходящего никак не получалось.

Сам не понимая, с чего бы это, но Оболиус разоткровенничался. Рассказал и о себе, и о Толлеусе, и о своих впечатлениях от Турнира. Даже поведал о том, как не спал в первые ночи, опасаясь, что старик его съест. Ничего не утаил. Никос понимающе кивал и совсем не смеялся. Вообще аристократ поразил Оболиуса до глубины души: он оказался и чародеем и искусником одновременно. Сам себя он называл мейхом, но насколько мальчишка понял, это как раз и означает подобную смесь. Как такое может быть, в голове не укладывалось. А Никос на все вопросы лишь загадочно усмехался и говорил, что Кордос и Оробос — две половинки единого целого, ущербные друг без друга. Это вовсе звучало как насмешка над всем тем, что парень знал с детства. Впрочем, возражать он не смел.

Карина тоже отнеслась к мальчишке с сочувствием, даже с кем-то связывалась через амулет, пытаясь выяснить судьбу учителя. Она оказалась чародейкой из благородных, почти всю жизнь прожила в столице, но кощунственные речи Никоса ее почему-то не возмущали. В конце концов Оболиус даже перестал задумываться над этим вопросом, чтобы не сломать от напряжения мозги.

А потом Никос что-то делал с аурой мальчишки, пообещав, что после этого работать с плетениями будет гораздо легче, и попутно давал советы и показывал, как нужно на-

прягать ауру в процессе — олитонец еле запомнил сложное слово — магичинья.

Еще Никос пообещал разузнать о его учителе и, если удастся, помочь. Было бы неплохо, чтобы старика отпустили, но в глубине души Оболиус надеялся, что место старого кордосца в его жизни займет этот молодой аристократ, который соединил воедино чародейство и Искусство. Сказка? Все остальное, что случилось сегодня, — тоже сказка. Так почему бы не сбыться этой фантазии тоже? Уснул Оболиус не на сеновале, а на пуховой перине, не уверенный в завтрашнем дне, но полный самых радужных надежд.

Глава 5 ТОЛЛЕУС. ДОРОГА ДОМОЙ

Как Толлеус и предполагал, утром за ним пришли. Хорошо хоть завтраком покормили и принесли воду, чтобы помыться. А то в самом деле эдак и завшиветь недолго. Вот стыд-то был бы!

Нынче не было ни Маркуса, ни приехавшего из Кордоса дознавателя — только двое искусников из посольства. Старик знал их обоих. Насупившись, поздоровался. Они, в свою очередь, тоже вели себя мирно. Посохи, конечно, держали наготове, но позвали на выход вполне добродушно. А пока выходили во двор, один даже искренне поблагодарил Толлеуса за выступление и сказал, что весь город по этому поводу до сих пор шумит.

Еще бы! Искусники никогда прежде не участвовали в таких турнирах. Они вообще не умели делать големов — это всегда было козырем чародеев в их споре с искусниками. А тут такой эффектный дебют!

Во дворе от свежего воздуха у старика слегка закружилась голова. Отвык. Утреннее солнце тоже показалось чересчур ярким. Как назло, родного посоха, который практически всю жизнь был рядом и в случае чего мог послужить опорой, в руках не оказалось. Старик покачнулся и всенепременно

упал бы, если бы внимательные провожатые не подхватили его под локти и не помогли забраться в карету.

Последняя выглядела весьма внушительно — маленькая крепость на колесах, а не карета. Конечно, это не обитый железом фургон, определенное изящество и плавность линий присутствовали, но все-таки конструкция явно крепче обычной, колеса мощнее. А уж если смотреть в истинном зрении, то и подавно. Понимающий человек мог только присвистнуть. Толлеус же как раз из таких. По долгу службы он не только настраивал манонасосы, подключенные к узникам тюрьмы, но также отвечал за безопасность всего заведения. Поэтому смог по достоинству оценить защитные контуры кареты. Интересно было бы узнать, есть ли защита для лошадей и если да, то какая? Увы, выглянуть наружу, чтобы оценить обстановку, точно не удастся. Может, позже? Не сидеть же здесь безвылазно целую неделю? Должны же выпускать по нужде, перекусить и на ночевку?

В карете на переднем диванчике уже сидел давешний дознаватель — худой ллэр с мешками под глазами на грустном лице. Толлеус вздохнул. Он еще не отошел от ночного допроса, чтобы сразу же угодить на следующий. Впрочем, возможно, Тристис Имаген его просто сопровождает и заодно приглядывает.

Качнуло. Старик догадался, что они тронулись в путь. Сыскарь даже не дал ему времени хорошенько оглядеться — сразу же взялся за старое. Так что надеждам на спокойное путешествие явно не суждено сбыться. Впрочем, нынче, судя по всему, никто не удосужился обработать искусника плетениями. По крайней мере, он ничего не заметил и не почувствовал.

Тристис выудил из кармана какой-то предмет и, зажав его между двумя пальцами, продемонстрировал искуснику: — Вы узнаете эту пряжку?

Несмотря на огромное количество телесных недугов, буквально сводящих его в могилу, на плохую память Толлеус не жаловался, поэтому сразу же узнал вещь, которая когда-то принадлежала таинственному пленнику, тридцать лет пролежавшему в отключке на тюремном ложе. Тем более что пряжка приметная, тонкой работы. Выходит, он был прав в

своих предположениях: она все это время покоилась в сундуке с барахлом, который он прихватил, не разбирая, когда покидал родной дом. Сыскари, похоже, ночь не спали, сразу после допроса бросились копаться в его вещах — и пожалуй-ста, нашли.

— Да. Это она, — не стал отнекиваться искусник.

Тристис лишь кивнул. Очевидно, он ни секунды в этом не сомневался, спросил для проформы, отдавая дань традиции.

Зато дальше допрос свернул явно в непрофессиональное русло. Сыщик был чересчур эмоционален и все тер опухшие глаза. Толлеус, который тоже не выспался и безумно устал, злился. Поэтому отвечал на повышенных тонах, отчего его целительский жилет вынужден был работать в активном режиме.

Неизвестно, чем бы кончилось дело, если бы разговор не был прерван самым неожиданным образом.

Глава 6

ТРИСТИС ИМАГЕН. НЕОЖИДАННАЯ ВСТРЕЧА

Многие люди любят жаловаться на судьбу. Чаще незаслуженно, по пустякам. Тристис Имаген такое право заслужил, но практически им не пользовался. Это нерационально, а значит, лишено смысла. На заре своей карьеры подающий большие надежды амбициозный юноша, выпускник Академии Искусства, поступил на службу в имперский сыск и, не имея за душой протекции сильных мира сего и капитала, за каких-то десять лет сделал великолепную карьеру, взобравшись очень высоко. А потом взялся за дело, которое не стоило трогать, и раскрутил его. Поэтому, вместо того чтобы получить награды и повышение, следующие пятнадцать лет он провел в захолустном городишке Маркин, расследуя в близлежащих деревнях обычную бытовуху.

Такие перипетии судьбы не прошли даром — на лице Тристиса навсегда поселилось выражение вселенской усталости и печали, а в кармане прописалась маленькая фляга с

алкоголем. Однако никто бы не посмел сказать, что он опустился. Ум остался по-прежнему острым, тело не заплыло жиром — напротив, Имаген был скорее тощ и жилист. Даже пресловутая фляга с настойкой выполняла не столько привычную задачу, сколько была нужна для бодрости — в ней хватало различных тонизирующих ингредиентов. По крайней мере, за все пятнадцать лет никто не видел сыщика пьяным, он контролировал свое состояние, хотя в трудные моменты любил сделать лишний глоточек.

А потом произошло событие, стряхнувшее сон со всей империи. Из маркинской тюрьмы сбежали плененные оробосские военные чародеи, устроив в городе настоящий погром. Даже бросившийся по следу легендарный отряд СИ — искусников специального назначения, обученных ловить таких опасных противников, вернулся ни с чем. Было в этом деле много странностей, неясностей, нестыковок. Больше всего вопросов вызывал один из сбежавших. В бумагах он числился слабым чародеем, но при детальном изучении явно оказался не так прост. Комиссия, примчавшаяся из столицы для расследования инцидента, пребывала в растерянности, а Тристис смог принести пользу, подав несколько идей. Его заметили. Он очень рассчитывал на этой волне вырваться из провинциального болота, но руководство не спешило реабилитировать неугодного. Зато с ним на связь вышел представитель оппозиционной фракции. На самой вершине власти, скрытая от глаз простого обывателя, шла грызня между академиками Искусства — истинными повелителями Кордоса, стоящими за спиной марионеточного императора. В результате Имаген получил высокую должность и кучу проблем. С момента своего назначения он был вынужден мотаться по свету, подчиняясь приказам неведомого покровителя. Тристис прилежно выполнял все поручения, надеясь, что это проверка, что его вот-вот позовут обратно в столицу, — все-таки он уже не мальчик, чтобы с пятеркой подчиненных колесить по странам, как обычный полевой агент. Под конец, оказавшись в Широтоне, воспользовавшись тем, что Кордос не имеет прямой связи со своим посольством, он с подвернувшейся оказией поехал в Терсус — восстанавливать былые связи и

своим появлением намекнуть хозяевам, что пора заканчивать с путешествиями.

Карета мягко глотала неровности дороги. Если бы не звонкий цокот копыт по камню, можно было бы подумать, что едешь в паланкине. Оказия в виде пузатого старика с лысой, как колено, головой, в настоящий момент сидела на диванчике напротив, с тоской поглядывая в небольшое окошко в дверце кареты. Вчера, а точнее даже ночью, его допрашивали. Бывший настройщик манонасосов маркинской тюрьмы считался важным свидетелем, но, признаться, сыщик не возлагал больших надежд, когда проводил дознание. Неожиданно разговор вывел на странного вида пряжку для ремня — предположительно один из амулетов, принадлежащих таинственному пленнику и представлявших большой интерес. Тристис сразу же рванул за амулетом в Бронзовое кольцо — квартал купцов и ремесленников, где располагалась мастерская искусника, а остаток ночи потратил на его изучение всеми возможными средствами. Надо сказать, результаты были интригующие. Вещица требовала более тщательного изучения в академии.

Бессонная ночь давала о себе знать. Имаген клевал носом, но все же он решил, не откладывая дело на потом, еще раз расспросить старика, которого вез в Кордос. После разговора его можно будет усыпить хоть до самого Терсуса, чтобы не наделал глупостей в дороге, и расслабиться самому.

Внезапно закрытая изнутри дверца кареты на мгновение распахнулась сама собой, после чего с громким стуком снова захлопнулась.

— Что это было? — встрепенулся Тристис.

Такого быть не должно. Что-то не так.

— Это был я! — раздался знакомый голос, и на диванчике напротив рядом со стариком из воздуха материализовался Никос, тот самый таинственный «слабый чародей».

Сыщик инстинктивно потянулся к своему жезлу, спрятанному в поясе, но тут же отдернул руку. Не ему с его скромными талантами искусника тягаться с этим человеком. К тому же задание у него — не поймать и обезвредить, а получить информацию.

— Правильно, не стоит, — кивнул визитер, заметив его движение.

Второй раз судьба свела Тристиса с этим молодым мужчиной, и вновь сыщик выступал в роли пленника. «Вряд ли появится другая возможность поговорить, — подумал он, — так что нужно пользоваться ситуацией. Главное, не наглеть: дружелюбный тон, невинные вопросы, по возможности честные ответы. Впрочем, с последним вряд ли выйдет по-другому. Наверняка будет искусная проверка на правду. Или вовсе прямой допрос». Последняя мысль вызвала тревогу. Мало того что такой разговор окажется бесполезен для самого Тристиса, так после него запросто можно оказаться с напрочь разрушенной личностью и кашей вместо мозгов.

Прошло всего несколько секунд, и Никос все еще молчал. Чтобы как можно скорее завязать диалог и по возможности управлять его ходом, Имаген спросил о судьбе охранников, которые сопровождали экипаж. Парень ответил, не проигнорировал собеседника — это был очень хороший знак. Вторым хорошим знаком было то, что охрана в порядке, насколько подобное возможно. Это радовало, вселяя надежду на удачное разрешение ситуации.

Воспользовавшись короткой паузой, пока Тристис выглядывал в окошко, Никос перехватил нить беседы, интересуясь следующим: «Что здесь делает маркинский сыщик?» Это нормально, ибо не грех напомнить себе еще раз: наглеть не стоит, сразу же засыпая собеседника вопросами. А еще это свидетельствует о том, что незванный гость плохо информирован и не в курсе ситуации. Хорошо. Сыщик ответил специально расплывчато, чтобы проверить свои догадки, а заодно посмотреть на реакцию гостя.

Никос проявил дедуктивные способности, сложив два и два и догадавшись, что причина в Толлеусе, который пока не проронил ни звука, но при этом едва не шевелил ушами, стараясь не пропустить ни слова и явно надеясь как-то использовать ситуацию в свою пользу. Тристису сейчас было не до старика. Все внимание он сосредоточил на Никосе. По всему выходило, что тот не умеет грамотно проводить дознание, в настоящий момент не агрессивен, а значит, у сыщика неплохие шансы переиграть его на этом поле. Единствен-

ное, что ему не понравилось и заставило поморщиться, — некоторая развязность в поведении парня. Причем явно наигранная.

Гость настойчиво спросил, зачем кордосцы арестовали своего чемпиона, принесшего им очки на политической арене в вечном противостоянии с Оробосом. Имаген взвесил «за» и «против» и решил рискнуть и проверить, насколько далеко готов зайти этот искусник-чародей, как поведет себя при отказе. Поэтому ответил вопросом на вопрос: «Я обязан отвечать?» И с радостью услышал: «Да нет в общем-то. Интерес праздный». Итак, Тристис уяснил все, что хотел, и приготовился к содержательному разговору.

К сожалению, Никос все-таки заметил свою пряжку, которую сыщик старательно прикрывал ладонью, и забрал ее. Впрочем, Тристис не обольщался: коли парень пришел сюда не за Толлеусом, то конечно же за этой вещицей. Как-то он узнал о ней. Может быть, недавние манипуляции с артефактом отправили хозяину какой-то сигнал? Очень жаль, но потеря амулета закономерна.

— Удовлетворите мое любопытство? — пошел в атаку Имаген, перехватывая инициативу. — Для чего нужен этот амулет?

Никос пояснил, что амулет является хранилищем информации. Правда, тут же добавил, что «там ничего особенного», но сыщик пропустил это заявление мимо ушей. Ясно же, что врет, иначе не было бы и этой встречи. Еще парень сказал, что амулет не работает. В это Тристис поверил — следов маны ни ему, ни двум профессорам Искусства обнаружить не удалось.

Воспользовавшись благодушным настроением собеседника, сыщик попробовал закинуть удочку на тему технологии, с помощью которой был изготовлен данный амулет, но, похоже, коснулся секретных сведений. Потому что Никос перестал довольно улыбаться, отказался отвечать и вспомнил, что это он здесь задает вопросы.

Разумеется, его интересовали в первую очередь другие пропавшие вещи. Тристис рассказывал без утайки. Во-первых, ничего секретного в этом нет, во-вторых, нужно снова расслабить собеседника.

Общение затягивалось, Никос продолжал хмуриться. Так что когда он наконец замолчал, Тристис решил ослабить напор. Нет, конечно, вопросов в голове полным-полно, но сейчас они явно неуместны, можно вызвать приступ раздражения. К тому же лошади продолжают везти карету, и скоро оробосский кордон. Если Никос планирует разойтись миром, а сыщик считал, что угадал насчет этого, то он должен покинуть карету до того, как стражники устроят проверку. Если же его заболтать, то постовые могут спровоцировать незваного визитера на какие-нибудь необдуманные действия, что также может вызвать ответный удар чародеев по карете. Само собой, оробосцы не дураки и попытаются сперва выяснить, что происходит, прежде чем начнут махать мечом направо и налево. Но все-таки зачем рисковать, при этом выставляя Кордос в неприглядном свете?

Похоже, Никос крепко задумался, а время идет. Поерзав на сиденье, Тристис привлек к себе внимание и невинно спросил:

— И что будем делать?

— А что вы предлагаете? — тут же отозвался парень.

Похоже, как раз об этом он и думал последние минуты.

Сыщик тотчас озвучил наиболее приемлемый, с его точки зрения, вариант, учитывающий все реалии. Увы, не сработало. Никос явно собрался мелко напакостить, отпустив на свободу Толлеуса. Терять настройщика в планы Тристиса не входило, хватит с парня и амулета. Однако мягкие увещания ни к чему не привели. Потом они и вовсе надоели Никосу, и он взмахом руки закончил дискуссию.

А потом он удивил сыщика до глубины души, предложив обменяться рукопожатием, после чего перед глазами появились какие-то полупрозрачные надписи. Никос, явно довольный собой, прочел небольшую лекцию по использованию, пояснив, что это нужно для связи с ним на случай, если прояснится судьба других его амулетов.

Тристис сам хотел попросить оставить какие-нибудь координаты для связи, даже не надеясь на успех. Казалось бы, нужно радоваться — вот оно, средство общения! Однако предложенный метод ему откровенно не нравился: наверняка там присутствуют какие-нибудь скрытые закладки вроде

подслушивания. А может быть даже, прямое зомбирование на выполнение какого-то действия в определенный момент. С другой стороны, ничто не помешало бы Никосу сделать все то же самое, только без возможности с ним связаться. Так что выбирать не приходится. Тристис попытался по максимуму расспросить о том, что же это за способ общения, который никто не сможет обнаружить и перехватить, но, как и следовало ожидать, никаких объяснений не получил. Оставалось надеяться, что данное внедрение не обнаружат при проверке, которая наверняка будет, иначе прощай карьера.

Когда с деталями было покончено, Никос засобирился и даже вежливо попрощался.

— Постойте! Я обязан попытаться задержать вас! — в отчаянии крикнул Тристис вслед, непрозрачно намекая, что совсем не хочет погибнуть от ответного удара, но и свой долг обязан исполнить.

К счастью, Никос все понял.

— Да без проблем! — услышал сыщик, уже засыпая.

Глава 7 ТОЛЛЕУС. ШАНС

Толлеус пребывал в легком ступоре с той самой минуты, как его бывший пленник материализовался в карете. Когда в Маркине рушилась комендатура, старик получил удивительные видения об амулетах и технологиях, которые, как он справедливо полагал, помогли бы ему поправить здоровье и продлить жизнь. Это были воспоминания человека, который сейчас сидел рядом с ним. Бывший настройщик манонасосов не рассчитывал встретиться с ним еще раз, чтобы расспросить, но надеялся, что сможет найти в Орбосе что-нибудь из того, с чем ему довелось столкнуться в видениях. Именно за этим он отправился в пугающую страну чародеев и все время своего пребывания там прилежно занимался поисками, забывая о сне и пище. Что-то даже нашел. Вояж можно было считать удачным до того момента, пока

его не арестовали и не отправили под охраной на родину. И вот теперь эта неожиданная встреча. Казалось бы, какая удача: спрашивай, узнавай! Вот только Толлеус сейчас сам в роли пленника и мечтает не о тайных знаниях, а об элементарной свободе. Нет, конечно, он не забыл, что искал все это время. Но как в такой ситуации разговаривать? К подобной встрече нужно готовиться, продумывая, как себя вести, что спрашивать, как торговаться. Он не готов!

Впрочем, судьба сама вела старого искусника, не требуя от него инициативы. По крайней мере, Никос без всяких просьб и подсказок поинтересовался, не желает ли арестант покинуть гостеприимную карету. Разумеется, желает!

Оказавшись на улице, скрытые пологом невидимости от посторонних глаз, Толлеус и Никос поспешили свернуть за угол дома. Тут как раз и охранники, до поры ехавшие истуканами в седлах, очнулись и кинулись восстанавливать порядок. Один склонился над внезапно уснувшим столичным дознавателем, второй, нещадно прищпоривая коня, помчался за подмогой. Двое принялись шарить по окрестностям — надеялись, дураки, найти сбежавших. Один на свою беду почти нашел, но Никос не стал его убивать, лишь преобразился в какое-то мохнатое клыкастое чудовище и, более не скрываемый плетением, душераздирающе заревел. По старику ударила волна настоящей жути, но времени испугаться не хватило, а миг спустя все уже кончилось, оставив после себя камень в желудке и дрожь в конечностях. Толлеус отчего-то решил, что это какая-то чародейская техника по изменению тела, хотя логичнее было предположить простое внушение. Оказалось, искусная иллюзия, только очень качественная.

Толлеус смутно представлял себе, как убежать от погони, которая наверняка будет, и куда вообще бежать. Понятно, что невидимость не спасет, — искать будут с помощью Искусства.

Едва они с Никосом прошли квартал, как перед ними возникли ворота, за которыми начиналось Бронзовое кольцо — вотчина купцов и ремесленников. Оказывается, карета уехала от посольства не так далеко, как Толлеус полагал. По опыту искусник знал, что буквально сразу за стеной облик

города кардинально меняется: здесь, в Серебряном кольце, сплошь дорогие виллы и особняки аристократов, а снаружи домики, лавочки и мастерские. Приличные, ухоженные, но по большей части деревянные, жмущиеся друг к другу, не идущие ни в какое сравнение с каменными почти дворцами, утопающими в садах за высокими заборами, что остались за спиной. Также искусник знал, что у ворот дежурят крайне неприветливые вояки, сияющие парадными доспехами, начищенными до зеркального блеска.

Толлеус решил полностью положиться в вопросе запутывания ищек на своего спасителя. Вести разговоры с капитаном стражи он тоже не собирался. Впрочем, тут же выяснилось, что Никос также не планировал этого делать. Он и Толлеус просто прошли мимо воинов, которые даже не моргнули, не скосили глаз в их сторону. Странно, с такого расстояния должны были обнаружить, даже несмотря на невидимость. Это все-таки стратегический пост, а не просто караулка. Очевидно, какая-то чародейская техника. Во всяком случае никаких новых плетений искусник не заметил. Не плохо, даже отлично. Однако все равно следует хотя бы ускориться. Кордосский охранник уже наверняка достиг посольства и галопом возвращается с подкреплением.

Увы, идти приходилось пешком, причем без посоха, и это оказалось удивительно неудобно. Бывшему настройщику манонасосов чудилось, что он вот-вот упадет без привычной дополнительной опоры. Так что сейчас Толлеуса в первую очередь интересовало, как бы передвигаться побыстрее. Чтобы не клюнуть носом на мощеную мостовую, не напрягать старые ноги, каждый шаг встречающие болью в коленях, да и просто чтобы побыстрее. Как идеальное решение проблемы виделся Паук — шестиногий голем, с которым искусник участвовал в Турнире големов. Увы, тот навсегда потерял своего хозяина — кордосцы его никогда не отдадут. Можно сделать нового, были бы деньги. Вот только такой управляющий амулет, какой стоял там, нигде не достанешь. Разве что опять использовать сундук, набитый обычными амулетами. Да и тех в Орбосе днем с огнем не сыщешь.

Мечты о големе нарушил сам голем, материализовавшись из воздуха перед носом. Толлеус от неожиданности

хрюкнул, но тут же рассмотрел, что это не его Паук, а полностью искусная копия. Очевидно, Никос постарался. Старик знал, что возможно создать такого. Но сам не пытался. Во-первых, сложно. Тут ведь для каждой детали, по сути, нужно отдельное плетение разрабатывать, а это та еще работенка. Во-вторых, маны такая конструкция будет потреблять значительно больше, нежели материальный голем, у которого мана тратится лишь на движение. И в-третьих, искусный голем не имеет веса — для него пришлось бы заново рассчитывать все движения. На подобную работу старик потратил месяц. Но удобно, что ни говори. Понадобился голем — активировал амулет, вызвал. Больше не нужен — развеял. Не надо заморачиваться с транспортировкой. Пожалуй, стоит не пожалеть времени, сделать себе такого же, если вдруг — Толлеус саркастически усмехнулся — когда-нибудь решится вопрос вечной нехватки маны.

Мысль о мане расстроила, заставила тяжело вздохнуть. Старик непроизвольно коснулся ладонью целительского жилета. Манокристаллов нет, запас в ауре от силы на день, а потом смерть — можно было никуда не бежать.

Впрочем, как заметил искусник, голем не обладал накопителями, а получал ману как будто из воздуха. Как это работает, непонятно, но если присмотреться — со всех сторон к Пауку тянулись крохотные каналы маны, похожие на воронки, раструбы которых растворялись в вышине, а ножки упирались в конструкцию. Похоже, Никос умеет экономить свои запасы, черпая откуда-то извне. Где это и что это, неясно, но если мана идет, как сейчас, подключиться несложно. Воровство? Как сказать. Видно же, что голему столько не надо: излишки рассеиваются полупрозрачным облачком, видимым в истинном зрении. Потери. Так отчего бы не подобрать ненужное?

Конечно, подбирать то, что сбросил шестиног, гораздо сложнее. Проще тянуть напрямую из канала, в итоге меньше потеряется. Но это уже может быть интерпретировано Никосом как воровство. Если заметит...

Чтобы спаситель не заметил, Толлеус сформировал плетение прямо внутри своего жилета, и сбор маны пошел только из тех каналов, что на пути к голему пронизали тело искусника. Чтобы такое обнаружить, надо постараться, — пле-

тения жилета экранируют надежно. Все-таки нехорошо и боязно, но как быть?

Вообще интересно, что хочет Никос от старого искусника? Для чего-то ведь он его спас. Наверное, Толлеус ему за чем-то нужен. А раз так, то он должен поделиться с ним толикой маны, иначе старик умрет и не сможет ничем помочь! Такими размышлениями бывший настройщик манонасосов успокоил свою совесть. Вроде как не крадет, а берет для дела, нужного самому владельцу маны.

Поняв, что лукавит сам с собой, Толлеус непроизвольно улыбнулся. Все же настроение заметно улучшилось: теперь с искусным големом ноги топтать не надо, маны в свою ауру можно позаимствовать на пару суток, а ведь день еще только начался, до вечера далеко!

— Куда едем? — спросил он бодро, повернувшись к Никосу, который пристроился за бортом в кресле.

Надо сказать, Толлеус приспособу оценил по достоинству. У него самого в жезле было подобное плетение, но попроще — банкетка, а не мягкое удобное кресло.

— В Серебряное кольцо. Там есть таверна, я покажу, где, в которой я снял комнату на несколько дней. Там, кстати, твой ученик живет. В общем-то для него я и снял комнату, — отозвался спаситель.

— Отлично! — довольно прищурился искусник. Новость о том, что Оболиус нашелся сам собой, вселяла оптимизм. — Только зачем тогда мы прошли через ворота?

— В Бронзовом кольце наблюдательных конструкторов и чародеев поменьше, — снизошел до объяснений Никос. — Объедем по кругу и через другие ворота вернемся.

Все-таки в управлении Паука и этого имелись отличия — искусный на старте дернулся так, что парень едва не свалился, от души ругнувшись. Старик тут же сбавил прыть: еще не хватало расшибить или просто разозлить своего спасителя. Нужно сперва приноровиться к особенностям нового средства передвижения.

Шестиног шагал чуть иначе, совершенно не лязгал металлом — лишь стучал лапами по брусчатке. Редкие пешеходы шарахались в стороны. Толлеус сперва нахмурился — это свидетели, которые не забудут такой картины.

СОДЕРЖАНИЕ

Часть первая. БАЛОВЕНЬ СУДЬБЫ	5
Часть вторая. КАРАВАН	50
Часть третья. СУТЬ МИРА	103
Часть четвертая. ПРИВАЛ	138
Часть пятая. ВОДНЫЙ ПУТЬ	183
Часть шестая. КОНЕЦ ПУТИ	221